

Попов Е.А.

ОБЩЕСТВО И ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД ЛИЦОМ ГОСУДАРСТВА И ЕГО КОНСТИТУЦИИ

Аннотация: Статья посвящена осмыслению конституции как духовно-консолидирующей силы в обществе, как социокультурного феномена, оказывающего воздействие на каждого человека, на социальный мир. Особо подчеркнута роль современной социологии и социального знания в раскрытии культуроцентричных смыслов государственности и конституционализма. Именно социокультурный исследовательский взгляд позволяет представить рассматриваемые феномены как смысловую ценность, включить их в систему других ценностно-смысловых координат, таких, например, как ментальность, культура, общество, историческая память и других. Использование социально-правового подхода позволяет рассмотреть исследуемые феномены на междисциплинарном уровне с привлечением данных социальных наук и юриспруденции. Научная новизна состоит в том, что предмет исследования рассматривается в социокультурном ракурсе, показана особая роль социологии и социального знания в изучении проблем российского и международного конституционализма; акцент делается на взаимодействии общества, государства, человека в системе социокультурных координат и кодов, главным объединяющим фактором становится развитие ценностей и норм культуры.

Abstract: The article is devoted to analysis of a constitution as a spiritually consolidating force in a society, as a social and cultural phenomenon, influencing every person and social world as a whole. The author pays special attention to the role of modern social studies and social knowledge in revealing culture-centered values of statehood and constitutionalism. The social-cultural research allows to present the phenomena in question as semantic values, including them into the system of other value-related and semantic coordinates, such as mentality, culture, society, historical memory, etc. The use of social legal approach allows to view the phenomena in question at an interdisciplinary level involving social sciences and jurisprudence. The scientific novelty is due to the fact that the object of studies is regarded in social and cultural perspectives, an accent is made on the interaction of society, state and human beings within the system of social and cultural coordinates and codes, when the uniting factor is the development of cultural values and norms.

Ключевые слова: Общество, культура, конституция, конституционализм, государственность, государство, ценности, воля народа, метатекст, цивилизация

Keywords: society, culture, constitution, constitutionalism, statehood, state, values, will of the people, meta-text, civilization.

Начала.

В 2013 году Россия отметила важную веху в развитии конституционализма – Конституции Российской Федерации исполнилось двадцать лет, срок немалый и позволяющий сделать некоторые обобщения по поводу того, какую роль Основной закон государства сыграл в формировании, развитии новых и старых общественных отношений. Властный смысл всего конституционного, как известно, многократно и довольно убедительно подчеркнут не только самой историей государственности, но и наукой. И если

традиционно внимание к этой проблеме приковано в стане юридических наук, то в последнее время она вызывает интерес у философов, культурологов, социологов. Действительно, каждый из исследователей здесь может отыскать такие важные акценты, которые могут сказаться на изменении восприятия конституции и конституционализма и в науке, и в обществе также.

С точки зрения построения и сохранения государственности Конституция есть едва ли не единственный по-настоящему действенный и эффективный механизм регулирования общественных отношений всех уровней в различные исторические времена – и тогда, когда

процесс налаживания государственных связей только начинал свой отсчет, и тогда, когда он уже обрел завершенный вид. В правовом плане за Конституцией прежде всего закрепился стереотип нормативно-правового документа, позиционирующего государство и власть как жизненные стратегии народа, своих граждан. И в этом смысле Конституция, действительно, устанавливает наивысшие формы регламентации разносторонних отношений во всех сферах человеческой коллективной жизнедеятельности. Сегодня невозможно представить себе жизнеспособное государство без принятого в установленном порядке и реально функционирующего Основного закона, несмотря на имеющиеся классические примеры развития государственности без специального оформления воли и гласа народа в конституционных актах (как известно, некоторые страны так и не приобрели писаной конституции). Сам факт наличия главного документа в стране практически гарантирует государству его вхождение в мировое пространство, — так уж складываются обстоятельства, что сама идеология конституционализма, даже если она только витает в воздухе и далека от реального воплощения в жизнь, предсказывает путь построения государственности в ближайшем будущем. Очевидно, что ценностно-нормативные постулаты добра, истины и справедливости, закрепляющиеся в национальных традициях и обычаях, находят свое соответствующее выражение и в конституционных актах. А это, по-видимому, самый верный путь обретения государством своих правовых и концептуальных границ.

Пожалуй, каждое государство берет свое начало именно с конституции. Поэтому для любого государства конституция — это своего рода книга цивилизаций. С этой точки зрения Конституция представляет собой феномен, который порождает множественность смыслов: очевидно, что Конституция, например, как метатекст апеллирует к традиционным устоям народа, связывает воедино символы повседневного бытия и социокультурной реальности. Так, например, Ульрих Шмид в своей статье «Конституция как прием»¹ рассматривает российскую Конституцию как источник нарратива, преломляющегося в сказочном, комедийном, трагическом или драматическом поведении персонажей истории — представителей различных социальных сословий: рабочих, крестьян, трудящихся, интеллигенции, а также деятелей государства, чиновников. Возвращаясь к самому началу Конституции РФ 1993 года, У. Шмид, в

частности, замечает: «Литературное прочтение текста действующей российской Конституции высвечивает прежде всего ее хрупкость. Уже в преамбуле сочетаются взаимопротиворечивые утверждения, а цельность текста обеспечивается благодаря пафосу...»². Однако именно в преамбуле Конституция России обнаруживает важнейшие консолидирующие акценты в коллективной и индивидуальной жизнедеятельности людей — «общая судьба на своей земле», «гражданский мир и согласие», «общепризнанные принципы равноправия и самоопределения народов», почитание памяти предков и т.д.

Социология не касалась проблем конституционализма, видимо, полагая эту тему объектом дискуссий правовой науки. Между тем в юриспруденции, ставящей во главу угла всяких общественных отношений норму права как таковую и при этом зачастую отказывающей себе в возможности определения ее онтологического статуса, в последнее время наметился *культуроцентричный* взгляд на проблемы конституционализма³. Действительно, обойти вниманием то обстоятельство, что норма права и правосознание, а вместе с ним и правовая культура населения, являются неотъемлемой частью общечеловеческой культуры вряд ли возможно. И по этой причине, вероятно, культуросцентричный вектор исследования обозначенного вопроса позволит по крайней мере надеяться на отказ от наблюдаемой как должное прежде всего в правоприменительной практике шаблонизации норм Конституции и упоминания о них всякий раз как об установлениях высшей юридической силы — и только. На самом деле путь социологии к пониманию общественных отношений, рассматривающихся различными отраслями права (гражданским, уголовным, трудовым и пр.) в качестве их самостоятельного предмета, может лежать через осознание необходимости обращения к нормам Конституции, в которых отражено и лицо государства, и портрет общества. Если брать во внимание то обстоятельство, что социология права в своем развитии пока не может преодолеть главный для себя вопрос о месте в коллективе юридических наук или в пространстве «большой» социологии, то вести речь о конституционализме в других областях науки об обществе еще более затруднительно — факт понимания права как смысла бытия государства никак не может быть признан адекватным для исследователей социально-гуманитарного профиля. По-видимому, более-менее определенно

¹ Шмид У. Конституция как прием (риторические и жанровые особенности основных законов СССР и России) // Новое литературное обозрение. 2009. № 6.

² Там же. С. 110.

³ См., например: Сазонникова Е.В. Конституционное право и концепт «культура»: монография. Воронеж, 2011.

«отстоять» такой пассаж могли бы именно социологи права или по крайней мере они не столь решительно бы избегали мнения о том, что смысл государства заключается именно в построении системы права. Винить правоведов в том, что для них только право незыблемо и священо, конечно же никто не собирается, но зато можно было бы упрекнуть социологов в неоправданном невнимании к праву как источнику значимых *социальных* смыслов бытия.

Государство и социология.

Социология и государство.

В начале XXI века не очень быстро, но все же заметно социология избирает для себя очень практичный, но с точки зрения эпистемологической не совсем, как нам представляется, оправданный путь развития. Становится заметным крен социологии в сферу политической жизни, где более востребован ее потенциал и главное – арсенал методов изучения общественного мнения. И если, к примеру, в США век «живой» социологии измеряется по избирательным кампаниям сменяющих друг друга президентов страны, то гуманитарный профиль отечественной науки об обществе всегда оставался ее сильной стороной. Но в то же время, как полагает В.Е. Кемеров, «в социальных науках люди, по сути, не рассматриваются в их особенном бытии, а их силы и способности учитываются лишь в абстрактных формах и измерениях»⁴. Такое положение дел, в частности, характерно для социологии последнего времени, становящейся все более ангажированной и политизированной, ставящей своей задачей необходимость «уметь работать с властью, не ошарашивая ее на каждом шагу своими оценками и выводами...»⁵. Этому утверждению вторит и Л.Н. Москвичев: «...социология теперь должна обрести новые формы взаимосвязей с властными и управленческими структурами, с системой образования, хозяйственными и коммерческими структурами, политическими партиями и т.д.»⁶. Такой облик социологии далек от ее места и статуса в иерархии социально-гуманитарного знания, но очевидно, что масштаб политизации общественных отношений увеличивается, а следовательно, все более и более ста-

новится привлекательным для разных прикладных дисциплин. Социология, разумеется, не может оставаться безучастной к этим явлениям и процессам – вопрос лишь в том, насколько все-таки она выдержит испытание политикой и возможностями «поиграть» с общественным мнением в этой среде. По мнению некоторых исследователей, «возрастающая сложность мира требует более изощренных методов его изучения. Прямое сопоставление и «суммирование» данных разных дисциплин, которое может способствовать решению прикладных задач, при генерации фундаментального знания оказывается недостаточным»⁷. Между тем именно социология наиболее надежно и целенаправленно обретается на рубежах инспектирования настроений и оценок в общественном сознании и продолжает символизировать собой меру народных чаяний. И как бы многозначительно не звучал актуальный вопрос о том, «существует ли сегодня наука социология?»⁸, очевидным остается тот факт, что именно социология продолжает уверенно возглавлять список научных отраслей, изучающих проблемы общественных связей и отношений. Другие дисциплины оказываются в большей растерянности перед проблемами социальности, перед проблемами общества. Главным образом это связывается с их беспомощностью в методическом обеспечении исследования, но также и в некоей методологической дезориентированности, объясняемой привязанностью к модным междисциплинарному или того более – мультидисциплинарному направлениям изучения тех или феноменов и процессов. В этом состоянии любая наука проигрывает прежде всего *научности*, а кроме того, находится перед угрозой потери своего собственного объектно-предметного статуса. А если идти по пути констатации общеметодологического кризиса наук, как в случае, например, с философией⁹, или же вовсе утверждать масштабный кризис научности, пришедший с началом двадцать первого столетия, то замкнутость той или иной научной отрасли в своем локальном исследовательском пространстве звучит для нее как приговор. Между тем целый комплекс самостоятельных наук из года в год транслирует апологетику социальных эпистем и образов, — любое новое знание не способно отвечать современным тре-

⁴ Кемеров В.Е. Гуманитарное и социальное: от оппозиции к синтезу // Человек. 2011. № 1. С. 15.

⁵ Гориков М.К. Диалог российской социологии с обществом и властью (опыт прошлого, перспективы будущего) // Философские науки. 2011. № 4. С. 14.

⁶ Москвичев Л.Н. Этапы институционализации российской социологии // Социол. исследования. 2006. № 7. С. 9.

⁷ Александров Ю.И., Кирдина С.Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социол. исследования. 2012. № 8. С. 4.

⁸ Шербина В.В. Существует ли сегодня наука социология? // Социол. исследования. 2012. № 8.

⁹ См.: Алексеева И.Ю. Модели философии // Философские науки. 2012. № 9. С. 70.

бованиям, если оно не гиперболизирует и не воздает должное социальности. Кто-то использует максимум «многомерной социальности»¹⁰, кто-то предпочитает категорию «социального измерения»¹¹, а возможно, перефразируя высказывание В.А. Кутырева о знаках: «Кругом знаки, знаки, знаки... Хотя знаки, кроме себя, ничего не означают, они коммуницируют, и внутри текста кипит «жизнь»...»¹², подобным образом представить мир социального: кругом только социальное, только социальное. А Л.А. Гуцаленко, к примеру, задает в этой связи вполне резонный вопрос: а нужна ли вообще тогда живая личность науке? Если человек — элемент социального мира, то вполне логично формализовать «типизированные формы мышления и поведения индивидов» «в знаках, символах, нормах, ценностях и от имени не конкретных личностей, а социальных институтов...»¹³. В действительности, как нетрудно себе представить, феномен социального по масштабам превосходит другие «первостепенные» явления бытия, такие как культура и духовная жизнь человека, тяготеющие в большей степени к выражению или проявлениям индивидуализма.

В силу неисчерпаемого интереса социологии к значениям и объектам социального порядка, она прежде всего заостряет внимание на проблемах, в центре которых стоит *потерянное* общество, забытая культура, оставленный или покинутый человек. Тогда социология либо «экзистенциализируется», но в том случае, если остается верна своему объектно-предметному статусу науки о **взаимодействии** общества, культуры и личности, либо, напротив, переходит на рубежи «тотальной социальности», в которой места культуре и человеку совсем не остается, а представления об обществе множатся и множатся, тиражируются до великой бесконечности. Это обстоятельство явно провоцирует социологию свернуть на рельсы политических наук, что она нередко использует в своих целях. «Современные общества, — отмечают исследователи О.М. Михайленок и Г.А. Малышева, —

это общества, основанные на знаниях. Они требуют режима экспертократии, т.е. *политической* (курсив наш. — *Е.П.*) ответственности за знания, на основе которых осуществляются общественные изменения»¹⁴. Политические коннотации в современном знании становятся их рефреном. Социальное знание тем более подвержено этому воздействию, если иметь в виду острую зависимость общественных изменений от государственной политики.

Из числа политических (и правовых) институтов государство в зону внимания социологов попадает не часто. Обычно так или иначе предметом исследований становятся органы государственной власти, их влияние на состояние общественных отношений и иные проблемы, с этим связанные. Но очевидно, что государство — это система *социальная*, а следовательно, небезынтесная для социологической науки. Чаше других в поле зрения социологии попадают вопросы публичной политики¹⁵ или взаимоотношений государства и гражданского общества¹⁶, но в то же время государство как таковое в своей целостности почти не представлено в перечне объектов, рассматриваемых социологией. И хотя государство явно не испытывает недостатка в критике со стороны общества и граждан, тем не менее оно в науке обосновалось в сферах специализированных и нередко закрытых, недосягаемых для «инструментального» осмысления. Значит ли это, что государство — это *трудный* и требующий повышенной меры ответственности от исследователя феномен? По всей видимости, такая «трудность» определяется следующими обстоятельствами: 1) государство не антропоцентрично (и даже если оно ставит во главу угла гарантирование прав и свобод человека и гражданина, — оно скорее всего делает это по инерции и по необходимости); 2) государство не является или не становится должным агентом социализации и инкультурации, при этом оно избирательно в применении средств влияния на личность, и эта избирательность не всегда складывается в пользу человека; 3) государство трансформирует основополагающие смыслы человеческого бытия,

¹⁰ Кемеров В.Е. Меняющаяся роль социальной философии и цивилизационные проекты // Вестник Рос. филос. общества. 2005. № 3. С. 27.

¹¹ См.: Делитц Х. Архитектура в социальном измерении // Социол. исследования. 2008. № 10; Попов Е.А. Духовная жизнь человека и общества в социальном измерении // Философия и культура. 2011. № 4.

¹² Кутырев В.А. Философия иного, или Небытийный смысл трансформализма // Вопросы философии. 2005. № 7. С. 29.

¹³ Гуцаленко Л.А. Нужна ли социологии жизни живая личность // Социол. исследования. 2003. № 10. С. 7-8.

¹⁴ Михайленок О.М., Малышева Г.А. Политическая модернизация в дискурсе о перспективах развития России // Соц.-гуманитарн. знания. 2012. № 5. С. 96.

¹⁵ См., например: Никовская Л.И., Якимец В.Н. Типология публичной политики в российских регионах // Социол. исследования. 2011. № 3.

¹⁶ См., например: Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход от идеологии // Социол. исследования. 2012. № 2; Басов С.А. Гражданское общество и гражданские отношения: поиск смысла // Социол. исследования. 2012. № 2.

тяготее к планетарной модели своего существования (это же в свою очередь определяет в качестве высших принципов жизни человека и общества *жизнезатратные* состояния обновления, роста, прогресса¹⁷). С другой же стороны, от того, что государство чаще всего уклоняется от определения или затрудняется с выбором национальной идеи, зависит настрой многих научных областей. Таким образом, *вопрос* о национальной идее становится пищей для размышлений на долгие времена и способствует развитию самостоятельных исследовательских направлений и в философии, и в социологии, и в других дисциплинах.

Государство для социологии представляет собой не только политико-правовую организацию общества, общественных связей и отношений, но и особый тип социоцентричной системы, в которой доминируют связи аппарата и гражданина, чиновника и населения, президента и народа. Такая система абсолютизирует тотальную социальность, устанавливает ее особую ценность. Несмотря на то, что в действующей Конституции Российской Федерации уже во второй статье обнаруживается *конституционный* приоритет человека и его жизни, все же генеральной линией развития государства остается приоритет социальный – общественно значимый, общественно необходимый. Такие категории необходимы государству для подчеркивания своей мощи, социальной и политической силы, для закрепления своей системы ценностей. По мысли И.И. Кравченко, объективность ценностей подтверждается наличием негативных ценностей или «ценностных антиформ: неравенства, бесправия, бесчестия, безобразия и т.п.»¹⁸. Следует, видимо, признать то обстоятельство, что именно государству в большей степени свойственно оттенять набор таких ценностных антиформ – как известно, в системе отношений «чиновник – гражданин» они особо выражены и нередко преобладают, несмотря на заявляемую государством борьбу с бесправием и беззаконием. Как полагают некоторые исследователи, «закрепляя права и свободы, государство становится причастным к неотчуждаемым свойствам человека, что в ряде случаев индивидами воспринимается весьма настороженно. В общественном сознании... участие государства не совместимо со справедливостью в содержании правовых норм. Причины общеизвестны: доминирующая

в историческом аспекте негуманная направленность государства; конъюнктурность идеологии, зачастую превращающей человека в средство достижения целей...»¹⁹. Любой конституционно обозначенный приоритет государственной заботы и внимания, таким образом, сравнительно несложно модифицируется в положения с негативной окраской в представлениях людей или же в установки с такой многозначностью, за которой не усматривается истинное положение вещей. Так, например, вопрос о достойной жизни и свободном развитии человека, обозначенный в статье 7 Конституции Российской Федерации, ставит в тупик и правоведов, предпринимающих попытки прояснить юридический смысл этих категорий, и любых индивидов, для которых путь к этим «наивысшим состояниям» не соотносим с прилагаемыми государством усилиями, направленными на развитие системы социальных служб, гарантирование минимального размера оплаты труда и т.д. Между тем критика социального государства, постулируемого указанной седьмой статьей Конституции РФ, продолжает развиваться в системе объективированных социально-экономических координат, и при этом практически не берется во внимание фактор обесценивания социального государства, его выхолощенность на фоне экономических и политических реформ в стране. Очевидно, что ценность социального государства состоит прежде всего в том, что оно обращено к человеку, однако торжество всего *социального* (суперсоциального) нивелирует такую «технология» государственности. Так, А.Ф. Храмцов, например, анализируя факторы изменчивости социального государства, рассматривает в качестве таковых преимущественно экономико-политические характеристики²⁰, которые, разумеется, в наибольшей степени свидетельствуют о смене «вывесок» социального государства – с онтологических на экономические. Здесь приходится констатировать, что идея социального государства не может не соотноситься с принципами и признаками социальности как определенной ценностно-смысловой системы. По этой причине, как нам представляется, основной задачей современной социологической науки должно стать прояснение специфики социального государства через призму ценностей и норм человеческого коллективного и индивидуального бытия.

¹⁷ Дилженский Г.Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 34.

¹⁸ Кравченко И.И. Политические и другие социальные ценности // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 5.

¹⁹ Осин В.Н. Общеизвестные социальные ценности (свобода, право, права и свободы, государство) и правовой менталитет // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 48.

²⁰ Храмцов А.Ф. Социальное государство: факторы изменчивости // Социол. исследования. 2012. № 9.

Общество и человек сквозь призму конституции.

В XX столетии Россия обрела пять Конституций – в 1918, 1925, 1937, 1978 и 1993 годах. В размахе этих дат явно чувствуется борьба государства и с самим собой, и с обществом. Борьба идейная, прежде всего, но и борьба социальная – сложный механизм общественных отношений в России нуждался в конституционном вдохновении. Вместе с тем, Конституция давно перестала быть только символом правовой целесообразности, необходимости, свидетельством человеческой рациональности и в системе мировоззренческих координат претендует едва ли не на библейскую роль. Можно сказать с уверенностью о том, что Конституция помимо того, что продолжает оставаться заданной программой гармонизации человеческих коллективных и индивидуальных взаимоотношений, обретает статус сакрального знания. Этот философский уровень значительно расширяет горизонт мнений о Конституции, о ее роли в жизни человека, общества, государства. «При анализе такого явления, как духовность, – отмечают исследователи Г.В. Платонов и Е.Ю. Новикова, – необходимо... различать исторически устойчивые черты, составляющие национальный характер, и черты личности, которые формируются у индивида, у тех или иных слоев общества под влиянием конкретных условий исторического развития»²¹. Связь Конституции с народом определенно указывает на те самые *исторически устойчивые черты*, которые во все времена связывали этнос в единое целое, консолидируя разрозненное население в гражданское общество. Как полагает, к примеру, Б.С. Эбзеев, «в отечественной юриспруденции достигнуто согласие в том, что речь в данном случае (в условиях трактовки Конституции как «неотъемлемой части действующего права» – *Е.П.*) идет об интеграции конституционных установлений в социальную практику, т.е. конституционализации всех сфер государственной деятельности и всей системы общественных отношений»²². Ситуация выглядит амбивалентной: Конституция априори должна обладать такой устойчивостью, стабильностью, интегратором общества и государства, но, как известно, концептуально оформляя веяния эпохи, традиции и ценности людей, в большей степени подвержена реформам вслед за меняющимся миром, за меняющимся человеком. К этому остается лишь добавить – принци-

пы конституционализма в любом истолковании этого феномена – правовом или каком-либо ином – могут быть адекватно восприняты только через призму *культуроцентричности* отношений общества, государства, человека; и здесь имеется в виду не только культура правовая, определяющая эффективность таких отношений, но и в целом культура духовная, открытая человеку, обществу, государству, миру.

Нечасто можно встретить именно такое – *когнитивное* отношение к Основному закону в государстве. Оно, по-видимому, не имеет четкого выражения в правовой науке, но в философии и социологии права необходимость в оценках консолидирующего воздействия Конституции на мир, человека в мире многократно возрастает. Это связано с концептуальным пересмотром духовного наследия человечества, его преобладавшими в ушедшем двадцатом столетии постмодернистскими интерпретациями. По крайней мере, выход за рамки представлений о Конституции только как об основном законе, содержащем исключительные в своей юридической иерархии нормы права, сам по себе является фактом примечательным. Кстати, такая тональность иногда прослеживается и в работах известных и авторитетных государствоведов или «конституционалистов». Так, Б.С. Эбзеев, например, пишет: «Будучи результатом творчества людей, Конституция призвана в упорядоченной форме выразить закономерности организации и функционирования социума и места человека в нем. Речь идет о рационализации форм социального бытия и их стабильного существования как главного условия эволюционного (а не революционного) развития»²³. Но Конституция – это *прием*, связующий человека с социумом. Это супертекст, нуждающийся не только в юридическом прочтении, но и в риторическом, а иногда и в литературном. Правда, по словам Л.С. Мамута, «довольно многим членам общества мнится, будто сам *текст* (курсив наш. – *Е.П.*) Конституции способен источать из себя поток материальных и социальных благ для каждого. <...> У человека, который этими иллюзиями живет, спонтанно возникает недоверие к Конституции, появляется разочарование в ней. Усугубляет его «открытие» то, что Конституция как таковая – вовсе не «скатерть-самобранка», благодетельствующая без разбора всех и сразу»²⁴. В такой резко эмоциональной

²¹ Платонов Г.В., Новикова Е.Ю. Духовность русского народа и наши реформы // Соц.-гуманитарн. знания. 2008. № 6. С. 294.

²² Эбзеев Б.С. Конституция Российской Федерации: прямое действие и условия реализации // Государство и право. 2008. № 7. С. 5.

²³ Эбзеев Б.С. Указ. соч. С. 5-6.

²⁴ Мамут Л.С. Конституционные основы современной российской государственности // Обществ. науки и современность. 2008. № 4. С. 54.

оценке усматривается своеобразный призыв автора к защите Конституции от нападков со стороны тех, кому она чего-то в свое время недодала, чем-то, быть может, обделила, кто не осознал истинного предназначения этого текста.

Ценностно-смысловые характеристики позволяют выявить некоторые общие закономерности формирования и развития конституционного целого в Основных Законах различных стран мира. Но очевидно, что некое главное направление в таких схождениях содержится во Всеобщей декларации прав человека, принятой в декабре 1948 года. В частности, этот международный документ постулирует такие ценности для любого общества, которые могут называться общечеловеческими и сомнения в пользе которых отменяются любым обществом, – речь идет о свободе, справедливости и всеобщем мире. Примечательно, что в отечественной культуре на первый план выходят ценности аскезы и отречения от мира, прежде всего, согласуемые с православной культурной традицией²⁵. И если при этом Всеобщая декларация утверждает *всеобщий мир* в качестве духовно-консолидирующей силы государств и народов, любая культурная традиция способна пересмотреть этот постулат с учетом присущих только ей особенностей, – в данном случае, разумеется, отречение от мира связывается с внутренней потребностью человека, поиском его *alter ego*, а не с целью противостояния всему миру.

Конституции мира нередко и даже можно сказать, что довольно часто используют конструкцию всеобщности, характеризуя самые различные стороны государственной жизни или социального бытия. Действительно, всеобщий – значит, единый для всех, касающийся любого, интегрирующий и объединяющий. Всеобщий характер ценностных установок очевиден – любое общество на протяжении всей истории своего развития формировало определенную систему таких ценностей и норм, которые бы согласовывались с традициями, обычаями, другими ценностно-нормативными феноменами и удовлетворяли интересам народа. Так, например, в преамбуле Конституции Соединенных Штатов Америки в качестве основного тезиса конституционализма и развития государственности приводится мысль о всеобщем благоденствии²⁶. В этой связи российская Конституция 1993 года очень

точно, на наш взгляд, но с другой стороны, как-то с акцентом на некую безысходность и безликость приводит в преамбуле постулат о соединенности многонационального народа России *общей* судьбой на своей земле, а одной из основных задач развития государственности называет обеспечение благополучия и процветания России. Вместе с тем социальное самочувствие россиян выглядит, по исследованиям социологов, весьма посредственным, а восприятие будущего россиянами – далеким от предвидения достойной жизни и свободного развития человека²⁷. Некоторые исследователи, к слову сказать, приходят к выводу о том, что «индивидуалистический» подход в решении важных государственных и социальных задач связан с некоторым креном российского мировосприятия в сторону довлеющих над человеком, правом и культурой денежных отношений начала 90-х годов – времени формирования конституционализма в России. Об этом, в частности, размышляет И.К. Пантин: «Ирония истории: утверждение индивидуальности, человеческого достоинства, равно как и чувства ответственности, внутреннее раскрепощение личности стало миссией не социализма... а буржуазного развития России после 1991 г.»²⁸.

В Конституциях российского государства идея всеобщности находила свое воплощение по-разному, но в целом ее реализация выглядела довольно воинственно, с коннотациями агрессивности, с лексикой пафосной. Так, например, Конституция РСФСР 1918 года в главе второй приводит в качестве основной задачи органов власти «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, становление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах...»²⁹. Примечательно, что идея всеобщности связывается в указанной Конституции с финансовой политикой, которая «в настоящий переходный момент диктатуры трудящихся способствует основной цели экспроприации буржуазии и подготовки условий для всеобщего равенства граждан республики в области производства и распределения богатств»³⁰. В Конституции 1937 года этот воинственный запал

²⁵ См., например: Громов М.Н. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии // Вопросы философии. 1994. № 1.

²⁶ Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 2004. С. 450.

²⁷ См., например: Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социол. исследования. 2010. № 3.

²⁸ Пантин И.К. Ленин – большевизм – русская революция // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 64.

²⁹ Конституционное право России: Хрестоматия / Сост. А.П. Угроватов. Новосибирск, 2000. С. 510.

³⁰ Там же. С. 521.

почти сходит на нет, но все же во второй статье его отголоски еще присутствуют: «Политическую основу РСФСР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата»³¹. Завоевательная риторика в значительной степени характерна для первых российских конституций, и она является продолжением тех политических противоречий, которыми была отмечена вся первая половина XX века. При этом выброшенный за борт истории человек никак не мог заявить о себе в полную силу по понятной причине – его права и свободы находились под залогом у государства.

Конституция РСФСР 1937 года отвела основным правам и обязанностям граждан одну из своих последних глав – одиннадцатую. Такое местоположение норм о правовом статусе личности говорило открыто о том, что всё человеческое государству чуждо, а одним из главенствующих прав человека становилось право на труд – в статье 122 видим: «Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы»³². Несколько изменилась ситуация с принятием в 1978 году следующей Конституции РСФСР, в которой, как известно, второй раздел носил название «Государство и личность» по понятной причине с акцентом на интересах государства, прежде всего.

Конституции занимают важнейшее место в системе ценностей цивилизаций не только потому, что они есть руководство к развитию государственности, налаживанию отношений между различными субъектами правоотношений, но и по той причине, что они способствуют универсализации ряда важнейших духовно-консолидирующих явлений для многих народов и континентов. Как отмечает И.И. Кравченко, «ценности объективны не потому, что они независимы от человека, разума, истории, действительности, а потому именно, что они порождаются этими универсальными началами, которые обладают собственной объективностью: человек объективен по отношению к другим людям, сообщество людей объективно по отношению к индивиду; история объективна по отношению к действительности и человеку, живущему в ней...»³³. Объективность ценностей, как видим, определяет их

универсальный характер, значимость для культур и цивилизаций. Так, Конституция РФ (1993) определяет ценность ответственности государства перед будущими поколениями уже в преамбуле – «...исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями...» Межпоколенческое взаимодействие, таким образом, становится непреложной ценностью для различных народов и культур; оно рассматривается и как определенный вектор дальнейшего развития государства, и как важнейший процесс, обеспечивающий неотвратимость ответственности субъектов права, но главное – оно задает определенную тональность конституционного строительства.

Итак, Конституция – это не только свидетельство соответствующего международным стандартам формирования и развития государственности, но это еще и важнейший фактор цивилизациогенеза; цивилизованный мир признает Конституции и их установления скорее как суперценность, а не только как собрание имеющих высшую юридическую силу норм и правил. В этом смысле Конституция представляет собой мощнейшую духовно-консолидирующую силу, выступающую на стороне народа и всеобщего мира и согласия.

Библиография:

1. Александров Ю.И., Кирдина С.Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социол. исследования. 2012. № 8.
2. Алексеева И.Ю. Модели философии // Философские науки. 2012. № 9.
3. Басов С.А. Гражданское общество и гражданские отношения: поиск смысла // Социол. исследования. 2012. № 2.
4. Горшков М.К. Диалог российской социологии с обществом и властью (опыт прошлого, перспективы будущего) // Философские науки. 2011. № 4.
5. Громов М.Н. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии // Вопросы философии. 1994. № 1.
6. Гуцаленко Л.А. Нужна ли социологии жизни живая личность // Социол. исследования. 2003. № 10.
7. Делитц Х. Архитектура в социальном измерении // Социол. исследования. 2008. № 10.
8. Дилигенский Г.Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // Вопросы философии. 1991. № 3.
9. Кемеров В.Е. Гуманитарное и социальное: от оппозиции к синтезу // Человек. 2011. № 1.

³¹ Там же. С. 538.

³² Там же. С. 552.

³³ Кравченко И.И. Указ. соч. С. 3.

10. Кемеров В.Е. Меняющаяся роль социальной философии и цивилизационные проекты // Вестник Рос. филос. общества. 2005. № 3.
11. Кирдина С.Г. Гражданское общество: уход от идеологии // Социол. исследования. 2012. № 2.
12. Конституционное право России: Хрестоматия / Сост. А.П. Угроватов. Новосибирск, 2000.
13. Кравченко И.И. Политические и другие социальные ценности // Вопросы философии. 2005. № 2.
14. Кутырев В.А. Философия иного, или Небытийный смысл трансмодернизма // Вопросы философии. 2005. № 7.
15. Мамут Л.С. Конституционные основы современной российской государственности // Обществ. науки и современность. 2008. № 4.
16. Михайленок О.М., Малышева Г.А. Политическая модернизация в дискурсе о перспективах развития России // Соц.-гуманитарн. знания. 2012. № 5.
17. Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социол. исследования. 2010. № 3.
18. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 2004.
19. Москвичев Л.Н. Этапы институционализации российской социологии // Социол. исследования. 2006. № 7.
20. Никовская Л. И., Якимец В.Н. Типология публичной политики в российских регионах // Социол. исследования. 2011. № 3.
21. Осин В.Н. Общепризнанные социальные ценности (свобода, право, права и свободы, государство) и правовой менталитет // Вопросы философии. 2012. № 9.
22. Пантин И.К. Ленин – большевизм – русская революция // Вопросы философии. 2005. № 4.
23. Петухов В.В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социол. исследования. 2012. № 1.
24. Платонов Г.В., Новикова Е.Ю. Духовность русского народа и наши реформы // Соц.-гуманитарн. знания. 2008. № 6.
25. Попов Е.А. Духовная жизнь человека и общества в социальном измерении // Философия и культура. 2011. № 4.
26. Сазонникова Е.В. Конституционное право и концепт «культура»: монография. Воронеж, 2011.
27. Храмцов А.Ф. Социальное государство: факторы изменчивости // Социол. исследования. 2012. № 9.
28. Шмид У. Конституция как прием (риторические и жанровые особенности основных законов СССР и России) // Новое литературное обозрение. 2009. № 6.
29. Щербина В.В. Существует ли сегодня наука социология? // Социол. исследования. 2012. № 8.
30. Эбзеев Б.С. Конституция Российской Федерации: прямое действие и условия реализации // Государство и право. 2008. № 7.
31. Попова А.Д.. Эволюция общественного сознания как фактор формирования гражданского общества // Политика и Общество. – 2013. – № 12. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.12.10430
32. Попов Е.А.. «Новый мировой эон» и социокультурная ситуация рубежа веков // Филология: научные исследования. – 2013. – № 4. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2305-6177.2013.3.8998.
33. Попов Е.А.. Искусство: диалог государства, общества и человека // Философия и культура. – 2013. – № 12. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.11.9339.
34. Попов Е.А. Современное общество и проблема коррупции: онтологический и аксиологический аспекты // Философия и культура. – 2013. – № 12. – С. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.7.7926.
35. Е. А. Попов, С. Г. Максимова. Социальная активность населения и общественные гражданские инициативы. // Политика и Общество. – 2012. – № 7. – С. 17-22
36. Е. А. Попов, С. Г. Максимова. Гражданское общество в современной России: региональное измерение. // Право и политика.-2012.-№ 7.-С. 1214-1218.
37. Попов. Е. А. Современная социология и человек: грани объективации мира в науке и образовании. // Педагогика и просвещение.-2012.-№ 1.-С. 36-41.
38. Попов. Е. А. Этническая идентификация в обществе посредством языка. // Политика и Общество. – 2012. – № 3. – С. 67-74.
39. Попов Е.А. Метатеория русского модернизма: общественная ситуация и искусство XX века. // Философия и культура.-2013.-№ 2.-С. 219-225.
40. Попов Е.А. Конституции мира – ценности цивилизации. // Право и политика.-2013.-№ 2.-С. 162-168. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.02.1
41. Борисенков А.А. Современная российская конституция о власти // NB: Вопросы права и политики. – 2014. – 1. – С. 19 – 44. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_10585.html
42. Глигич-Золотарева М.В. «Увлечение общими местами» и ценностный компонент конституционализма // NB: Проблемы общества и политики. – 2013. – 3. – С. 296 – 317. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_503.html

43. Кодан С.В., Владимирова Г.Е. Юридическая природа Основных государственных законов Российской империи 1832-1892 гг. издания в оценке российских правоведов // NB: Проблемы общества и политики. – 2013. – 6. – С. 218 – 253. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_765.html
44. Уваров А.А. О роли государства в формировании гражданского общества // NB: Вопросы права и политики. – 2013. – 7. – С. 1 – 40. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_8782.html
45. Попов Е.А. Культура, общество и человек в объектно-предметном поле современной социальной культурологии и социологии культуры // NB: Философские исследования. – 2013. – 3. – С. 170 – 204. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_415.html
14. Mamut L.S. Konstitutsionnye osnovy sovremennoy rossiiskoi gosudarstvennosti // *Obshchestv. nauki i sovremennost'*. 2008. № 4.
15. Mikhailenok O.M., Malysheva G.A. Politicheskaya modernizatsiya v diskurse o perspektivakh razvitiya Rossii // *Sots.-gumanitarn. znaniya*. 2012. № 5.
16. Mikhailova L.I. Sotsial'noe samochuvstvie i vospriyatie budushchego rossiyanami // *Sotsiol. issledovaniya*. 2010. № 3.
17. Mishin A.A. Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran. M., 2004.
18. Moskvichev L.N. Etapy institutsionalizatsii rossiiskoi sotsiologii // *Sotsiol. issledovaniya*. 2006. № 7.
19. Nikovskaya L. I., Yakimets V.N. Tipologiya publichnoi politiki v rossiiskikh regionakh // *Sotsiol. issledovaniya*. 2011. № 3.
20. Osin V.N. Obshchepriznannyye sotsial'nye tsennosti (svoboda, pravo, prava i svobody, gosudarstvo) i pravovoi mentalitet // *Voprosy filosofii*. 2012. № 9.
21. Pantin I.K. Lenin – bol'shevizm – russkaya revolyutsiya // *Voprosy filosofii*. 2005. № 4.
22. Petukhov V.V. Grazhdanskoe uchastie v kontekste politicheskoi modernizatsii Rossii // *Sotsiol. issledovaniya*. 2012. № 1.
23. Platonov G.V., Novikova E.Yu. Dukhovnost' russkogo naroda i nashi reformy // *Sots.-gumanitarn. znaniya*. 2008. № 6.
24. Popov E.A. Dukhovnaya zhizn' cheloveka i obshchestva v sotsial'nom izmerenii // *Filosofiya i kul'tura*. 2011. № 4.
25. Sazonnikova E.V. Konstitutsionnoe pravo i kontsept «kul'tura»: monografiya. Voronezh, 2011.
26. Khramtsov A.F. Sotsial'noe gosudarstvo: faktory izmenchivosti // *Sotsiol. issledovaniya*. 2012. № 9.
27. Shmid U. Konstitutsiya kak priem (ritoricheskie i zhanrovyye osobennosti osnovnykh zakonov SSSR i Rossii) // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2009. № 6.
28. Shcherbina V.V. Sushchestvuet li segodnya nauka sotsiologiya? // *Sotsiol. issledovaniya*. 2012. № 8.
29. Ebzeev B.S. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: pryamo deistvie i usloviya realizatsii // *Gosudarstvo i pravo*. 2008. № 7.
30. Popova A.D. Evolyutsiya obshchestvennogo soznaniya kak faktor formirovaniya grazhdanskogo obshchestva // *Politika i Obshchestvo*. – 2013. – № 12. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.12.10430
31. Popov E.A. «Novyi mirovoi eon» i sotsiokul'turnaya situatsiya rubezha vekov // *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. – 2013. – № 4. – S. 104-107. DOI: 10.7256/2305-6177.2013.3.8998.

References (transliteration):

1. Aleksandrov Yu.I., Kirdina S.G. Tipy mental'nosti i institutsional'nye matritsy: mul'tidistsiplinarnyi podkhod // *Sotsiol. issledovaniya*. 2012. № 8.
2. Alekseeva I.Yu. Modeli filosofii // *Filosofskie nauki*. 2012. № 9.
3. Basov S.A. Grazhdanskoe obshchestvo i grazhdanskie otnosheniya: poisk smysla // *Sotsiol. issledovaniya*. 2012. № 2.
4. Gorshkov M.K. Dialog rossiiskoi sotsiologii s obshchestvom i vlast'yu (opyt proshlogo, perspektivy budushchego) // *Filosofskie nauki*. 2011. № 4.
5. Gromov M.N. Vechnye tsennosti russkoi kul'tury: k interpretatsii otechestvennoi filosofii // *Voprosy filosofii*. 1994. № 1.
6. Gutsalenko L.A. Nuzhna li sotsiologii zhizni zhivaya lichnost' // *Sotsiol. issledovaniya*. 2003. № 10.
7. Delitts Kh. Arkhitektura v sotsial'nom izmerenii // *Sotsiol. issledovaniya*. 2008. № 10.
8. Diligenskii G.G. «Konets istorii» ili smena tsivilizatsii? // *Voprosy filosofii*. 1991. № 3.
9. Kemerov V.E. Gumanitarnoe i sotsial'noe: ot oppozitsii k sintezu // *Chelovek*. 2011. № 1.
10. Kemerov V.E. Menyayushchayasya rol' sotsial'noi filosofii i tsivilizatsionnye proekty // *Vestnik Ros. filos. obshchestva*. 2005. № 3.
11. Kirdina S.G. Grazhdanskoe obshchestvo: ukhod ot ideologemy // *Sotsiol. issledovaniya*. 2012. № 2.
12. Kravchenko I.I. Politicheskie i drugie sotsial'nye tsennosti // *Voprosy filosofii*. 2005. № 2.
13. Kutuyev V.A. Filosofiya inogo, ili Nebytiinyi smysl transmodernizma // *Voprosy filosofii*. 2005. № 7.

32. Popov E.A.. Iskusstvo: dialog gosudarstva, obshchestva i cheloveka // *Filosofiya i kul'tura*. – 2013. – № 12. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.11.9339.
33. Popov E.A. Sovremennoe obshchestvo i problema korrupsii: ontologicheskii i aksiologicheskii aspekty // *Filosofiya i kul'tura*. – 2013. – № 12. – S. 104-107. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.7.7926.
34. E. A. Popov, S. G. Maksimova. Sotsial'naya aktivnost' naseleniya i obshchestvennye grazhdanskoe initsiativy. // *Politika i Obshchestvo*. – 2012. – № 7. – С. 17-22
35. E. A. Popov, S. G. Maksimova. Grazhdanskoe obshchestvo v sovremennoi Rossii: regional'noe izmerenie. // *Pravo i politika*.-2012.-№ 7.-С. 1214-1218.
36. Popov. E. A. Sovremennaya sotsiologiya i chelovek: grani ob'ektivatsii mira v nauke i obrazovanii. // *Pedagogika i prosveshchenie*.-2012.-№ 1.-С. 36-41.
37. Popov. E. A. Etnicheskaya identifikatsiya v obshchestve posredstvom yazyka. // *Politika i Obshchestvo*. – 2012. – № 3. – С. 67-74.
38. Popov E.A. Metateoriya russkogo modernizma: obshchestvennaya situatsiya i iskusstvo KhKh veka. // *Filosofiya i kul'tura*.-2013. – № 2. – С. 219-225.
39. Popov E.A. Konstitutsii mira – tsennosti tsivilizatsii. // *Pravo i politika*. – 2013. – № 2. – С. 162-168. DOI: 10.7256/1811-9018.2013.02.1
40. Borisenkov A.A. Sovremennaya rossiiskaya konstitutsiya o vlasti // *NB: Voprosy prava i politiki*. – 2014. – 1. – С. 19 – 44. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_10585.html
41. Gligich-Zolotareva M.V. «Uvlechenie obshchimi mestami» i tsennostnyi komponent konstitutsionalizma // *NB: Problemy obshchestva i politiki*. – 2013. – 3. – С. 296 – 317. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_503.html
42. Kodan S.V., Vladimirova G.E. Yuridicheskaya priroda Osnovnykh gosudarstvennykh zakonov Rossiiskoi imperii 1832-1892 gg. izdaniya v otsenke rossiiskikh pravovedov // *NB: Problemy obshchestva i politiki*. – 2013. – 6. – С. 218 – 253. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_765.html
43. Uvarov A.A. O roli gosudarstva v formirovanii grazhdanskogo obshchestva // *NB: Voprosy prava i politiki*. – 2013. – 7. – С. 1 – 40. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_8782.html
44. Popov E.A. Kul'tura, obshchestvo i chelovek v ob'ektno-predmetnom pole sovremennoi sotsial'noi kul'turologii i sotsiologii kul'tury // *NB: Filosofskie issledovaniya*. – 2013. – 3. – С. 170-204. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_415.html